

Александр ДОРОШЕНКО

Невольничий рынок Города

Староконный — это и традиционный городской "охотничий" рынок. Он разделен на три части: птичий, звенящий множеством голосов, декоративных рыбок, ошеломляющий цветом, и собачий. Последний в своем начале и вкраплениями разбавлен кошками, в клетках и лукошках. Все это живет, движется, пищит, поет и лает.

Стоят ряды крытых навесов, здесь царство пернатых: клетки, всякая птичья амуниция и сами птички. В углу на стенах рынка развешены клетки с кенарками. Это сложный мир, он требует многих знаний, например — "канарейка овсяного напева", — что такое этот напев? Мужики здесь серьезные, и задавать им этот вопрос, показывая, насколько ты неверно прожил жизнь, не стоит!

Сидят в клетках парочками небольшие певчие птички. Сидят здесь и попугаи, от громадных размерами, злобных и фантастических расцветкой карибских (характером и богатством полутонов более всего напоминают они мулаток благословенной Кубы, "белых женщин с черным ртом") до маленьких отечественных волнистых, если есть у нас в отечестве попугаи. Полная клетка маленьких попугайчиков — сидят на разной высоте, как нотные знаки в партитуре; или наоборот, сидят, все сбившись на одной жердочке, выставив вперед только свои разноцветные грудки, и говорят по очереди, поворачивая друг к другу головки.

У клетки попугайной сбоку пристроился воробышек, и пока они гортанно и рассерженно что-то кричат на прохожих, он выклеивает корм из кормушки.

Два мира рядом, птичьего звука, непрерывного, от ругани до самозабвенного пения, и спокойной деловой тишины — это размышляют о чем-то кролики и хомячки, про себя, и в раздумии перебирают губами. Они расположены в два этажа, от земли по высоте прилавков — думающие, и над ними — бездумно поющие.

Задумчивые кролики, суслики, нежные морские свинки и хомячки. Маленький мягкий шарик-мешочек с глазами-бусинками и хвостиком. Такой ранимый в этом твердоканменном угловатом мире. Как он мог выжить? — заливала кипящая лава поля и реки, испепеляя все на своих путях, бушевал океан, посланный Богом на непокорную землю, перемахали горы, а он, вот такой, выжил! И бабочка — взяла ли бабочек Ной в свою лодку? Или все это время потопа, которым начисто смыло все живое с земли, она трудолюбиво махала своими крылышками над бушующим океаном и искала землю. И нашла, обойдясь без помощи Бога. Без его одолжений.

Масса аквариумов, сделанных для предпродажной демонстрации рыбок, и в них море цветных огней. Форма — луна и диск; меч сзади — меченосец, и спереди — мечерот; вуалехвост — упитанная дама из Нижнего Новгорода или Армавира, неторопливо и плавно плывет эта роскошная фигура в обрамлении шумящих и покачивающихся юбок.

Цвет — серебро, серебро с кровью, чернотой бархат, неоновый цвет; процессия "кардиналов" — с красной опушкой хвоста, куда это они? — выбирать Папу?

Здесь очевидна истина — мы не единственные в мире живых существ — и далеко не лучшие в нем! И так разнообразны — на фоне этих форм, размеров, ошеломляющих цветовых сочетаний, на фоне этих наречий и видов!

Птеригоплих парчовый — пятнистый, как ягуар, такой же изящный и многоплавниковый, как барракуда. Дракон — и тот не был так страшен видом — но, как и древний дракон, он совсем безобиден. Он современник дракону и к нам, наглецам и новым поселенцам планеты, еще не привык. Мы для него за стеной аквариума, и выйти на свободу нам не суждено.

Фото Олега Владимировского

Дискусы разделены по цвету в два отделения аквариума, оранжевые налево, темно-кофейные — направо, между ними перегородка, и так стремятся они друг к другу, стоя, упираясь носиками в эту преграду, но увы — сегрегация!

Черный нож — высокий и стройный, с одним подбрюшным сплошным плавником, чувствительным, как окончания нервов, и таким же подвижным — нет, он не нож, он иное — он куртуазен и смел, он обольстителен, он помнит еще Франсуа Вийона, и в переливах волной идущего плавника — записаны бессмертные слова Франсуа!

Ангел из Индии, — черепашка с панцирем нежно-фиолетового оттенка.

Маленькая незаметная темно-розовая рыбка, самой что ни на есть рыбой формы, без изысков, но зачем же было называть ее "минором"?

Рыбий корм, сухой и "живой" — маленькие червячки. Эти маленькие трогательные морские фонарики, оказывается, хищники!

(Пронизывает толпу во всех направлениях мрачный вид человека и внезапно прямо тебе в лицо резко и гортанно выкрикивает: "Лавровый лист — черный перец", — и вновь исчезает в толпе. Как вестник судьбы. Лавровый лист триумфальный — это на голову, а к чему черный перец?)

Из надежной английской шерсти вывязаны пауки, громадные, темные, как ночь, и как

(Этот странный парень, ко всем пристававший с обвинениями, — ну почему он погубил эту ни в каких его бедах не повинную девушку? — как перед этим ее отца... Все казались ему кругом виноватыми, но столетия уже плывет в свадебном платье девушка по реке времени, и водоросли влетают в венком любви в ее чудные волосы. Пела Офелия перед смертью песенку:

"Белый саван, белых роз
Дерево в цвету,
И лицо поднять от слез
Мне неловко".

А вы говорите, причмокивая от восторгов: — Ах, Шекспир, — как, мол, не понять высоких чувств, — а что тут понимать? — спросим себя, — я вижу бедную девушку, плывущую по реке, пересекающей диагонально Староконный, и стою я, потрясенный увиденным, и мешаю толкующемуся здесь народу двумя встречными и узкими рядами в полтора человека каждый, текущими этим руслом, а я у них, как устой Нового моста в Париже (в худшем случае это мост Мирабо, под который уходит вода, и с ней уходит любовь...), а парень этот был невростеник, обиженный и убогий человек, видевший во всем окружении причину собственных бед!)

(Вот здравая и вполне современная догадка — может быть, у него что-то было не так с сексуальной ориентацией, возможно, по этой причине он сеял вокруг себя горе и смерть... и если бы ему правильно все пояснили, что с ним происходит, может быть, он оставил бы в покое эту девушку — ведь был же у него любимый друг Горадио...)

К реке бегут топиться — например, "графиня изменившимся лицом бежит к реке..." — но никто и никогда не идет топиться в море. В нем можно утонуть, это бывает, но никому еще в голову не приходило, что в нем следует топиться. Может, потому, что оно большое, и в нем много места, и страшна его глубина? И еще потому, что оно прекрасно и сродни нашей душе.

С морем можно остаться наедине, один на один, и услышать друг друга. С рекой ты всегда, как в коммунальной квартире, на проходной кухне — откуда пришла — куда идет, — но явно мимо тебя и к тебе безразлична. Как проходимец с неверными намерениями. Колумб вырос на берегах моря. На берегах рек рождены и растут рыбобеды.

Правильное определение — невольничий рынок. Здесь люди продают своих младших братьев за деньги. Ощутимо это в кошачьего собачьей его части. Она вынесена за границу рынка и обтекает его по периметру. Собаки очень чувствительны, одни из них угнетены и печальны, другие агрессивны. Матери чувствуют возможную утрату щенков. Основная продажа идет прямо из машин, из их открытых багажников. Мелюзгу продают с рук. Малышам страшно и холодно, и они дрожат.

Не так давно все поле Староконного — земля его свободной от застройки части — было занято торговцами сантехники и инструмента "с рук". На земле и на ящиках лежали там краны, ручки, фитинги, инструменты в наборе. Теперь торговая индустрия в контейнерах раковой опухоли поглощает первобытную простоту Староконного рынка.

Валентина КОВАЛЬ

Лексеич летающий

— Ах ты, хрен драный! Анка развернулась да ка-а-а-а-а дала охраннику по роже! Ее резиновая лягушечья перчатка аж влипла в его щеку. Охранник закачался, шмякнулся на мокрый кафельный пол, вскочил и, потирая мокрую задницу, позорно бежал. Мальчишка, видно, первый день работал и не знал порядков. "Еще и козлом не стал, а уже воняешь!" — крикнула ему вдогонку Анка. Все они по переступили хотели ухватить ее за что попало — уж больно аппетитна! Не отлетали, как этот бедолага.

Через минуту Анка уже мыла пол под столиками, расшвыривая пластмассовые стулья. "Дебил, — подумала она — теперь уже о хозяине кафе. — Мне бы твой бизнес, я бы тут такой, блин горелый, дизайн устроила! Сменила бы название. Ну, не дебилизм ли — "Пенистый бокал". Где встретимся? В пе... Срам! Разгородила бы зал ширмами. Нужен парочке интим — легко. День рождения дитю — легко. А корпоративные вечеринки — гуляют везде". Но думала Анка на эту тему недолго. Любая ее мысль даже против желания улетала домой, к своим мужикам. "Костик наверняка забыл сменную обувь. И не съел кашу. А Седой, и гадать не надо, не удосужился

встать, проводить ребенка. Ну почему, блин, мужики такие лентяи?"

Ровно в десять она сбросила обрезанные до колен спортивные штаны, линяящую майку, резиновые шлепки. Из душа вышла уже не уборщица Анка, а молодая статная дама Анна Седая, однако не седая, а блондинка с пышной гривой. Белая юбка — выше колена, но не до попки. Обтягивающая — но без вызова. Красный, как тряпка матadora, топик — если и для приманки мужчин, то скорее интуитивно. Каблуки на шпильках, которые она надевала сейчас и носила постоянно, их даже отпугивали, потому что и босая она — выше среднего мужчины.

Утреннюю репетицию сегодня не назначили, потому что вечером премьеры. Анна цокала каблуками по чистому субботнему асфальту, ногу выбрасывала от бедра, плечи разворачивала. Но мысли ее бумерангом возвращались в круг забот. Еще одна двойка — и Костика по математике за четверть не аттестуют. Седому нужно срочно покупать туфли — он вращается в приличном обществе, не то что она в театре. "Да ну их на фиг!" — вдруг взбрыкнула Анна и решила думать в такой хороший весенний день о хорошем. О сегодняшнем вечере. О том, как хочется новой яркой любви.

она — загадочные. С кем угодно можно ощутить родство, от кролика до слона, но эти — иноного происхождения! И чувство — странное — можно держать в клетке многое, от слона до кролика, но это мы так держать не вправе — в отдельной ячейке, выставленными бесстыдно напоказ! А эти двуногие, тыкающие в паука пальцем, шелкающие по надежной стенке террариума, веселящиеся — опасны происхождением и обречены!

Черепашки всех размеров, лягушки всех цветов, до телесного, и сразу очевидно — самый отвратный цвет — наш, телесный. Аквариумные водоросли, память об Офелии.

спросил, разумеется, приезжий мужчина по имени Вадик.

Анна задумалась. У нее опять мелькнула шальная мысль.

— Ноу проблем. Сегодня в театре премьеры. Комедия. Сходим?

Вадик дернулся, но изобразил на лице интеллигентность:

— Желание дамы — для меня закон.

— Только возьми билеты в первый ряд. Хочу так потусоваться. И вот что: я могу опоздать минут на пятнадцать, ты не жди, не нервничай, сядь на место, а билетера предупреди. О'кей?

— О'кей, — неохотно согласился на такой вариант Вадик. Он с удовольствием продемонстрировал бы такую шикарную герлу в ресторане — но что поделывать? Может, после спектакля? На прощанье он купил Анне розовые гвоздики, которые она терпеть не могла. "Ладно, заброшу маме, все равно дома с ними лучше не появляться", — подумала она, чмокнула в щеку мужчину и села в троллейбус. Она слегка захмелела от коньяка и от взглядов возбужденного поклонника. Хорошее настроение даже дома не разбилось вдребезги, как бывало частенько. Костик не забыл тапочки, Седой — в кои-то веки! — чинил кран в ванной. Он даже сказал: "Отдохнула бы ты, Анютка. Ляг, я тебя пледом укрою".

Какое там — лежать. Ей бы летать! Но Анна просто взялась варить борщ, который мужики уже недели две у нее выпрашивали. И от улыбки, которую она старательно прятала, появились ямочки на щеках.

Муж почувствовала она, укоризненно глянул на нее с фотографией на стене — их группа в выпускном спектакле и примкнувший к ним третьекурсник Седой. Не подумала его мама-полячка, как сына Сигизмунда звать коротко. Сига? Муња? Вот и остался он для всех и навсегда — Седой.

Анне, самой броской студентке курса, тогда почему-то нравилось быть типа "свой парень". Она любила мужскую компанию. Могла и водки шандарахнуть, и сигаретой затыкаться, сидя на коротких в коридоре, и матерком покрестить. Театральные девичьи, и сами-то не овечки, из зависти грязно про нее сплетничали, но парни-то знали по горькому опыту, что к ней и на тройке не подьедешь. И вот откуда ни возьмись — Седой. Он перевелся из другого училища. Был он старше, потому что в юности матросом не один раз обогнул шарик по параллелям и меридианам. Но мечтал о сцене. Когда он возник, в училище забурили страсти. Седой тогда был вылитый Иисус Христос — суперзвезда. Русые усы, уплывающие в темную бородку, прямой нос, востроженные глаза, волнистые пряди на прямой проборе. Его заграничные шмотки, которые нашим парням могли разве что снится, окончательно лишили студенток покоя. Анну тоже. Она подошла к нему и с удовольствием констатировала, что они одинакового роста. Остальное было делом техники. Кто-то, а она умела влюблять в себя. Они

— Как насчет вечера вдвоем? —